

Майарана Мистеру

ТЕБЯ НИКТО НЕ ПОЩАДИТ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М65

М65 **Мистеру М.**
Тебя никто не пощадит / Майарана Мистеру – М.: Литнет, 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-521-99385-7

«Тебя никто не пощадит!» — бросила мне сводная сестра сквозь решетку перед казнью, и эти слова до сих пор выжжены в моем разуме. Я верила им, а они, лишив меня воли, заставили совершить самое страшное преступление в империи, после чего с улыбкой отправили на плаху. Теперь, чудом вернувшись во времени в свое восемнадцатилетие, я смотрю в их лживые, улыбающиеся лица и понимаю одно: моя сестра была абсолютно права — пощады не будет. Только в этой жизни безжалостным палачом стану я.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99385-7

© Литнет, 2026
© М. Мистеру, 2026

Глава 1

«Тебя никто не пощадит!» – сказала сестра, стоя по другую сторону решетки.

С усмешкой вспоминаю ее слова, прикрыв глаза.

Я поняла это еще в тот день, когда они убили моего ребенка. Моего бедного мальчишка, рожденного с изъянами, которые никак не подходили первенцу наследного принца.

Ветер на городской площади сегодня был особенно холодным. Он забирался под ярко-красное платье, вызывающе пылавшее на сером фоне помоста и толпы, кусал кожу, но я почти не чувствовала этого.

Холод снаружи был ничем по сравнению с ледяной пустошью, что царила у меня внутри.

Это платье... Его рано утром принесла мне Мардин. Моя «сводная» сестра, чье происхождение вызывало сомнения с самого начала.

Сказала, что это подарок, чтобы я «выглядела достойно» на своей казни.

На самом деле она хотела, чтобы я выглядела, как шлюха. Чтобы даже в последние минуты жизни я не вызывала жалости, а только презрение. Ярко-красный шелк, слишком глубокий вырез, ткань, которая льнет к телу.

И я надела его. Мне было все равно. Пусть они видят то, что Мардин хотела им показать. Это не имело значения.

Я стояла на коленях на шершавом помосте. Ярко-красный шелк моего платья казался пятном крови на фоне темного дерева. Прямо передо мной стояла деревянная плаха. Я смотрела на нее равнодушно рассматривая глубокие зарубки от топора. Скоро там появится еще одна. Моя.

Усмехнулась.

Глашатай выкрикивал слова приговора. Громко, торжественно, растягивая гласные. Предательница, убийца... Слова пролета-

ли мимо меня, не задевая разума. Они говорили о ком-то другом. Не обо мне.

Та Элея, которую они судили, умерла задолго до этого дня. Вся моя жизнь... она была сплошным, нескончаемым уроком страдания.

Сначала тихая ненависть отца и мачехи, потом издевательства сестры. У меня отобрали род. Содрали, словно старую кожу, гордость. У меня отобрали право любить деда, заставив поверить в его равнодушие. У меня отобрали лицо, оставив уродливые шрамы. И наконец, у меня отобрали моего ребенка. Убили, как ненужного котенка.

Они выжгли меня изнутри. Оставили лишь пустую оболочку, которую теперь так торжественно собирались уничтожить.

В памяти смутно, словно сквозь грязное стекло, всплыли глаза Дэйрона. Последний взгляд черного дракона. Удивление, боль и... бесконечное сострадание. И ощущение рукояти кинжала, до боли впившейся в мою ладонь. И его голос, который точно так же пронзил мое сердце.

«Уходи, Лея...»

Я не хотела этого делать. Мой разум кричал, умолял остановиться, но тело не слушалось, повинуюсь чужой воле. Я убила его. Убила того, кто, возможно, единственный во всем этом проклятом мире смотрел на меня без отвращения.

Я заслужила эту плаху. Не за предательство империи, которого не совершала, а за то, что позволила им сделать себя оружием, инструментом и ступенькой к трону. За то, что Дэйрон мертв, а империя в руках негодяев.

Мне действительно уже все равно, как закончится моя жизнь. Пусть уже поскорее.

Но все равно мне было до той секунды, пока этот безликий шум толпы не прорезал отчаянный, надрывный детский крик.

– Лея! Элея! Нет!

Мое сердце, казалось, остановилось, а потом сжалось в судорожном, болезненном спазме. Этот голос я узнала бы из тысячи.

Я испуганно, резко обернулась, забыв о палаче и приговоре. Не понимая. Не веря. Зачем его пустили сюда? Кто посмел привести ребенка на казнь его сестры?

В первых рядах толпы, прямо у самого эшафота, рвался из рук стражников Роэлз. Мой младший брат. Его лицо было мокрым от слез и красным от крика, одежда в беспорядке. Он тянул ко мне свои худые руки, и в его глазах было столько первобытного ужаса, что у меня перехватило дыхание.

– Роэлз... – прохрипела я.

Глэй крепко держал его за плечи. Мой отец. Он хмуро смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли жалости – лишь безразличность и раздражение. Он словно хотел сказать: «Даже умирая, ты умудряешься позорить наш род».

А рядом с ним стояли Виллария и Мардин. Мать и дочь. Мачеха и сестра.

На их лицах не было слез. На меня смотрели две женщины в роскошных платьях, с безупречными прическами и... с улыбка-ми абсолютного, сияющего торжества на губах.

И я стояла перед ними в этом красном платье...

Я знала, что Мардин выйдет замуж за нового императора. Моего мужа.

Того, кто взошел на престол по трупам своего отца и его Тени. Мардин сама, захлебываясь от восторга, рассказывала мне об этом в темнице всего пару часов назад.

«Он всегда любил только меня, Элея, – шептала она тогда, разглядывая меня через решетку. – А ты была лишь ступенькой. Уродливой, грязной ступенькой к нашей власти».

Тогда я слушала ее отупело, погруженная в свое горе. Но сейчас, глядя на то, где она стоит – рядом с моим отцом, братом и мачехой, на почетном месте, в окружении гвардейцев, – пелена с моих глаз спала.

Будь она простой любовницей, пустили бы ее ко мне в темни-

цу? Позволили бы сейчас стоять так близко к эшафоту? Нет. Двор уже безмолвно признал ее. Глэй продал меня наследному принцу, но тот предпочел Мардин, и отец с радостью согласился на эту замену, как только я стала не нужна. Теперь я знала, что с самого начала был заговор.

В моем сердце было так много горя, что я думала, места для других чувств там больше нет. Но я ошиблась. Только сейчас, глядя в торжествующие глаза сестры и мачехи, в равнодушные глаза отца, удерживающего моего рыдающего брата, я поняла, что ненавижу их.

Ненавижу всей той пустотой, что осталась во мне. Взрывной, испепеляющей ненавистью, которая оказалась сильнее страха смерти.

Глашатай умолк. Наступила тишина, прерываемая всхлипами Роэлза.

С другой стороны помоста раздался голос. Ледяной, властный, до боли знакомый голос нового императора.

– Приговор утвержден. Смерть убийце!

Толпа взревела в едином порыве, поддерживая своего правителя. Этот рев заглушил последний, отчаянный вой Роэлза, которого Глэй силой удерживал на месте.

Мое сердце сжалось так сильно, что мне стало физически больно. Я не хотела, чтобы он это видел. Я не хотела, чтобы это стало его последним воспоминанием о единственном человеке, который его любил.

Тяжелая рука палача легла мне на шею. Грубо, бесцеремонно он толкнул меня вперед, заставляя уложить голову на плаху. Яркий шелк, в котором меня выставили на посмешище, прижался к шершавому дереву. Холодный ветер затих, сменившись запахом крови.

Я закрыла глаза, изо всех сил стараясь отгородиться от рева толпы, прислушиваясь к рыданиям младшего брата. И по моим испещренным шрамами щекам покатились слезы.

Горячие. Злые. Слезы ненависти и бессильного сожаления.

Я услышала вдох палача перед тем, как он поднял топор.

И последней мыслью, прежде чем мир взорвался болью, была не молитва о прощении, а яростный, безмолвный крик:

«Будь у меня вторая попытка... хотя бы один шанс всё исправить... богом клянусь, вы все пожалели бы, что вообще родились на этот свет!»

Треск позвонков, удар головой о пол... и мой угасающий взгляд направлен на высокого светловолосого мужчину, равнодушно смотрящего на то, что от меня осталось.

Будь ты проклят, Лифас!

Тьма разорвалась на части от моего собственного судорожного, отчаянного вдоха.

Я резко села, хватая ртом воздух, словно утопающая, которую только что выбросило на берег. Руки инстинктивно вцепились в горло, ожидая нащупать рваную рану, липкую горячую кровь или что там может нацепать мертвец после отсечения головы. Но под дрожащими пальцами оказалась лишь гладкая кожа.

Громкий, безумный стук собственного сердца отдавался в ушах. Я лихорадочным взглядом уставилась перед собой.

Знакомые очертания комнаты выплывали из утреннего полумрака: тяжёлый балдахин над кроватью, дубовый шкаф, потемневший от времени, узкое стрельчатое окно, сквозь которое сочился серый рассвет. На подоконнике – забытый букетик засушенной лаванды, рядом лежал оплывший огарок свечи в медном подсвечнике. У стены, на сундуке, обитом потёртой кожей, лежало сложенное покрывало, вышитое мелкими незабудками – мамина работа, которую я помнила с детства. Пахло воском, сухим деревом и чуть-чуть розмарином из пучка трав, подвешенного у притолоки.

Моя старая спальня в поместье отца.

Этого не могло быть.

Я медленно, боясь поверить собственным ощущениям, опустила взгляд на свои руки. Обескураженная, я переворачивала ладони то вверх, то вниз. Чистые. Бледные, с аккуратными ногтями. На них не было ни вьевшейся грязи тюремной камеры, ни кровавых мозолей, ни тонких шрамов от кандалов. Это были руки аристократки, не знавшей настоящих лишений.

Откинув тяжелое одеяло, я спустила босые ноги на пушистый ковер. Меня шатнуло, но я устояла. Шаг. Еще один.

Я подошла к высокому напольному зеркалу, стоявшему в углу, и замерла. Оттуда на меня смотрела девушка. Прежняя я. Светлые, почти белые, волосы разметались по плечам, кожа светилась юностью, а на щеках играл легкий румянец после сна. Я потянулась к лицу, кончиками пальцев ощупывая скулы, лоб, подбородок. Никаких уродливых, багровых борозд. Никаких шрамов, превративших меня в чудовище на потеху двору.

Значит, «несчастный случай», подстроенный Мардин, еще не произошел. Я вернулась. Вернулась в то время, когда даже разговоры о моей помолвке с принцем были лишь отцовскими грезами.

Мне отчаянно хотелось верить, что всё случившееся было лишь кошмарным сном. Иллюзией больного разума.

Я потеряла шею, и меня передернуло от фантомного ужаса. Я помнила обжигающий холод тяжелого металла на коже. Помнила омерзительный хруст собственных позвонков за долю секунды до того, как вспышка невыносимой боли погасила сознание. Я помнила лицо Лифаса.

Мой муж.

В тот миг, когда моя голова катилась по эшафоту, Лифас смотрел на меня сверху вниз со скучающим презрением, словно я была не человеком, а надоедливый насекомый, которое наконец-то прихлопнули.

Я сжала челюсти так крепко, что зубы скрипнули, и резко, прерывисто выдохнула.

Щелчок дверного замка заставил меня вздрогнуть. Дверь откры-

лась без стука – привычная наглость, которую в этом доме позволяли только одному человеку из прислуги.

В спальню, тяжело ступая, вошла Азура. В руках она несла таз с водой для умывания. Грузная, с вечно недовольным лицом и тяжелым, колючим взглядом. Моя личная служанка, а на деле – цепная собака и надзирательница, приставленная Вилларией.

– Вы уже на ногах, леди Элея, – глухо произнесла она, со стуком опустив медный таз на столик.

И произнесла она это тоном, в котором не было ни грамма уважения.

Раньше я съеживалась от ее присутствия. Азура была молчаливой, но замечала каждую мелочь, каждый мой вздох или брошенный в окно взгляд, чтобы потом в точности доложить об этом мачехе.

Я ненавидела ее. Несколько раз я умоляла отца и Вилларию заменить прислугу, но мачеха всегда лишь снисходительно отмахивалась, попивая чай: *«Не выдумывай, Элея. Азура очень хорошая, исполнительная женщина. У меня сейчас совершенно нет времени и возможностей искать тебе другую»*.

В прошлой жизни я терпела. Отводила взгляд, старалась быть незаметной в собственной комнате.

Но сейчас, глядя на ее широкую спину, я не чувствовала привычной робости.

Азура повернулась ко мне, собираясь небрежно бросить полотенце, но вдруг замерла. Она встретилась со мной взглядом – и полотенце медленно выскользнуло из ее толстых пальцев, упав на пол.

Она не знала, что видит перед собой мертвеца. Женщину, которая прошла через темницы, предательство, потерю ребенка и собственную казнь. Но она, как животное, почувствовала это. Наверное, а моих глазах больше не было испуганной, забитой девочки, за которой ей поручили шпионить.

Мне кажется, теперь там поселилась пустота.

Я не отвела взгляд. Не произнесла ни слова. Просто смотрела

на нее в зеркало, чувствуя, как внутри разгорается черное, спокойное пламя.

Они поплатятся. Все до единого. За каждую слезинку Роэлза. За кровь Дэйрона. За мою сломанную жизнь. Глэй, Виллария, Мардин, Лифас... В этой жизни я не буду жертвой. Я стану их персональным палачом.

Азура попятилась, не выдержав моего взгляда. Она молча подняла с пола полотенце, положила его на край столика и поспешно вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Оставшись одна, я прикрыла глаза и медленно, протяжно выдохнула, стараясь унять дрожь в руках.

Комната пахла остывшей за ночь печной золой и щелочным мылом из таза. Утренний свет падал из окна прямой, четкой прямоугольной полосой, разрезая доски пола пополам и высвечивая кружащуюся в воздухе пыль.

Я заставила свой разум работать. Ярость – плохой советчик. Если я прямо сейчас спущусь вниз и брошу им в лицо обвинения, меня просто сочтут сумасшедшей. Глэй запрет меня в комнате, а Виллария не упустит случая применить свое внушение, чтобы сделать меня покорной марионеткой еще раньше, чем в прошлой жизни. Если я хочу, чтобы всё шло по моему плану, если я хочу уничтожить их наверняка, мне нужно следовать событиям прошлого. Вмешиваться аккуратно, незаметно, пока это возможно.

Я должна снова стать той забитой, кроткой девочкой, которой они привыкли меня видеть. Стать их удобной тенью. До поры до времени.

Я подошла к тазу, зачерпнула ледяную воду ладонями и плеснула в лицо. Холод окончательно прояснил мысли. Быстро умывшись, я надела простое, закрытое платье из темной шерсти, тщательно расчесала волосы и направилась вниз.

Столовая встретила меня теплом и запахами жареного мяса, свежего хлеба и травяного чая. Яркий утренний свет заливал